

Где ты, счастье?

Быть взрослым тоже трудно

Елена Долгих

16+

Елена Долгих
Где ты, счастье?

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Долгих Е. В.

Где ты, счастье? / Е. В. Долгих — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Вам приходилось делать выбор? Взрослая жизнь подкидывает сложные проблемы каждый день. Иногда судьба разбивает планы на тысячи мелких осколков. И тогда нужно просто собрать волю в кулак и двигаться дальше. Герои книги попадают в непростые ситуации, ищут выход, учатся принимать верные решения. Некоторым ошибки юности обходятся слишком дорого. Но главные герои – Полина и Кирилл – стремятся разрешить проблемы. Для этого нужно очень многое понять про самих себя, про окружающих людей, про сложный и переменчивый мир. Научатся ли они преодолевать трудности и ценить минуты покоя и счастья?

Содержание

1 глава. Полина.	5
2 глава. Ника. Семь лет назад.	10
3 глава. Кирилл.	13
4 глава. Полина.	16
5 глава. Ника. Семь лет назад.	19
6 глава. Кирилл.	21
7 глава. Полина.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

1 глава. Полина.

Рейсовый автобус ПАЗик медленно, дребезжа всеми своими старческими суставами и покрхтывая, полз на затяжной подъём мимо полузаброшенной деревеньки с покосившимися обшарпанными домишками, почти потерявшимися в вечерних сумерках. Несколько пассажиров, вынужденных добираться из райцентра этим вечером в областной город, сонно клевали носом, изредка вскидывая голову и поглядывая по сторонам. Две пожилые тётки вели бесконечный разговор, переминая косточки своим знакомым. Полина сидела у окошка, засунув крест-накрест руки в рукава лёгкого пальтишка, чтобы согреться. Она возвращалась с похорон. Хоронили подругу детства – Нику. Безрадостная картина за окном и грустные мысли не делали обратную дорогу домой приятной. Перед глазами так и стояла картина: небольшой гроб, маленькое жалкое тельце бывшей красавицы Ники. В двадцать пять лет она превратилась в старушку. Жалкую, сморщенную, седую и никому не нужную. Восемь человек около могилы, даже родителей нет. Страшно.

Вздохнув и засунув руки поглубже в рукава, Полина попыталась отогнать печальные мысли и начала вспоминать свой разговор с Люсей. Подруга рассказывала о себе, горячо интересовалась жизнью самой Полины. Странно, но и эти воспоминания не позволили избавиться от негатива. Поймав себя на лёгкой зависти к подруге, Полина окончательно рассердилась. Повертела головой, отгоняя неприятное. Отвлекшись, наблюдая картину за окном, не получилось, так как уже совсем стемнело. Мелькали лишь серые силуэты деревьев вдоль дороги, да временами бросалась в глаза оранжевая подсветка на знаках пешеходного перехода, расставленных около небольших остановок.

Сидящие впереди женщины, стараясь перекричать шум мотора и дребезжание старенького ПАЗика, повысили голос, и Полина стала невольным слушателем их болтовни.

– ... А Сергеич говорит: «Не пойду, и всё!».

– Да ты что?! Родной отец!

– Да! Представляешь?! Так и не пошёл!

– А Надька?

– А Надька ещё вчера на грудь приняла, – поправляя съехавшую на бок шапку, с каким-то скрытым злорадством заявила тётка, сидевшая у окна. – У меня, говорит, горе! Имею право!

– Ой-ой-ой! – её собеседница тоже поправила шапку и покачала головой, выражая сочувствие и сопереживание в сложившейся трудной ситуации. – Ведь родная мать! Мало ли, что в жизни было!

– Да! – тётка покивала головой, подтверждая сказанные слова. – Я думаю, она с утра похмелилась и выползти из дома не смогла. Она же последнее время совсем не просыхает.

– Ой, не старая ещё женщина! Я её недавно видела в городе. Это же ужас какой-то! – женщина зябко передёрнула плечами. – Б-р-р!

– Так Колька её поэтому и бросил! – тётка ухватила собеседницу за рукав и потянула на себя, громко зашептав ей почти в самое ухо. – Пить стала много. Дома ничего не делала. Он сам мне жаловался ещё в прошлом году, что жизни никакой нет с Надькой. Вот и ушёл! Кто ж такое выдержит!

– А сам Колька на похороны ходил? – поинтересовалась попутчица.

– Нет, не был, – тётка опять поправила съехавшую на брови шапку и утёрла вспотевший лоб. – Он так и заявил, что «эта наркоманка ему вообще никто», посторонняя. Сколько нервов ему испортила, ещё когда совсем соплячка была. А уж последнее время – у-у-у!

– Ой, я всё равно Надьку не понимаю! Как это – на похороны родной дочери не пойти?! – собеседница покачала головой из стороны в сторону и вздохнула. – Мало ли, что в жизни бывает?

– Не скажи, подруга! – тётка озабоченно поглядела по сторонам и опять наклонилась к самому уху собеседницы. – Мне Надька как-то, давно ещё, года три-четыре назад, обмолвилась, что Ника ребёнка ждёт!

Уловив знакомые имена, Полина уже некоторое время краем уха прислушивалась к разговору. Теперь же, при упоминании имени своей подруги, ловила каждое слово болтливых собеседниц, стараясь ничего не пропустить. Она и сама не могла объяснить, почему чужой разговор вызывает у неё такой жгучий интерес. Может, чувствовала и частичку своей вины в том, что случилось с Никой. «Мне самой в тот период пришлось совсем несладко, – попыталась мысленно оправдаться перед собой Полина. – Ведь именно тогда у нас у всех был такой сложный период. У Люси отец умер, у меня нервный срыв случился. От Ники отец в другую семью ушёл. Знать бы заранее, чем всё это закончится...»

– И что?! Неужели она родила?! Наркоманка?! – восклицание одной из сидевших впереди женщин оторвало Полину от вновь нахлынувших грустных собственных мыслей и вернуло к интересному разговору.

– Вот уж не знаю, – тётка пожевала губами, досадуя на себя за такое упущение. – Не буду говорить, не знаю.

– И Надька не делилась? – собеседница тоже придвинулась поближе. – Ты ж там недалеко живёшь, Маш.

– Да мне кажется, что она и сама толком не знает, – покачала головой тётка и снова поправила шапку. – Она ж тогда выгнала Нику. Скандал был громкий, только я тогда не знала, из-за чего сыр-бор поднялся.

– Как выгнала? – от изумления собеседница громко шмыгнула носом и вытаращила глаза, пытаясь в сумерках рассмотреть, правду ли говорит подруга. – Беременную дочку выгнала?!

– Да! У них с Колькой как раз ссоры начались. А тут ещё такой подарок, – грустно проговорила Маша. – Вот и выгнала. Так с тех пор Ника больше и не появлялась. Даже не знаю, где она жила всё это время.

– Вот дела... – вздохнула собеседница и немного помолчав, спросила: – Я бы так не смогла.

– Да их тоже понять можно, – тётка покивала головой, подтверждая своё согласие с собственными словами. – Она же деньги воровала, вещи выносила. Вон, у Сергеича все драгоценности пропали, всё она, Ника. Чуть малыша им не угробила.

– Так её же вроде лечили? – тема явно не давала женщине покоя. – Я сама слышала, участковый говорил, что отправили её в диспансер, или как он там называется?

– Да! – махнула рукой Маша. – Лечили. И не раз. А толку? Полгода не видна, потом глядишь – нарисовалась... Какое-то время – вроде ничего, всё нормально, а потом – опять всё по-новой: гулянки, старая компания, воровство... А ведь красивая девка была! Глаза чёрные, огромные, волосы тёмные, вьющиеся кольцами, стройная, лёгкая. Прямо картинка!

– Да... Я тоже хорошо её помню, – вздохнула собеседница. – Жалко.

– Жалко... Говорят, на кладбище вообще никого не было, – шапка опять съехала тётке на глаза, и она нетерпеливо сдвинула её поглубже на затылок. – А хоронила Люська, подруга Никина.

– Какая Люська? – удивлённо приподняла брови собеседница. – Ольги Васильевны дочка? Так они сами еле концы с концами сводят! На какие ж средства?

– А-а-а! Ты не знаешь? – тётка с энтузиазмом и лёгкой завистью принялась выкладывать сведения про Люсю. – Люська парня из богатой семьи захомотала, залетела по-быстрому, теперь как сыр в масле катается. У них свой ресторан, папаша богатенький постарался! Денег куры не клюют!

– Да ты что?! Вот бы не подумала никогда! – женщина покачала головой, выражая своё недоверие словам подруги. – А была такая серенькая мышка, забитая. Вечно ходила с опущенной головой, о чём-то размышляла. Вон как жизнь-то поворачивается!

– Да, Оляка теперь как за каменной стеной живёт. Работать бросила, с внучками нянчится, – продолжала вываливать информацию Маша. – У нас на улице теперь столько детей, покоя совсем нет! К бабкам-дедкам сплавляют потомство, а сами – на заработки! До чего жизнь пошла бешеная!

– Ой, не говори. У меня у самой...

Автобус, некоторое время ехавший уже по освещённым улицам областного центра, облегчённо вздохнув, остановился у здания автовокзала.

Собеседницы, прерванные на полуслове, завертели головами, заахали, что не заметили, как приехали, наскоро попрощались и начали продвигаться по тесному проходу к открывшимся дверям, двигая перед собой объёмные тяжёлые сумки.

Полина, угревшаяся на своём месте, неохотно поднялась, поправила сумочку на плече и тоже пошла к выходу. Выходя из тёплого автобусного нутра в промозглую морось мартовского вечера, она вновь и вновь мысленно прокручивала разговор своих попутчиц. Было что-то в словах досужих сплетниц, что показалось ей очень важным. Только она никак не могла сосредоточиться и понять, что её так сильно зацепило.

Прошагав через привокзальную площадь и отмахнувшись от навязчивых таксистов с их дорогостоящими услугами, Полина вышла на автобусную остановку, дождалась своей маршрутки, запрыгнула в неё и поехала домой. Печальные мысли о поездке сменились не более радостными мыслями о том, что её сейчас ожидает дома. Утром, решив поехать на похороны подруги, Полина отпросилась с работы, написала родителям СМСку о том, куда направляется и получила ответ от мамы, что не стоит этого делать. Сейчас придётся дома выдержать настоящий бой из-за того, что она ослушалась и поступила по-своему. На минутку закралась робкая мысль ни во что родителей не посвящать и ни о чём им не рассказывать. Обдумывая такой вариант поведения, Полина решила, что действительно, лучше родителей не беспокоить. Просто промолчать о похоронах. Сделать вид, что она послушалась маму, весь день пробыла на работе, устала. Пожаловаться на то, что сильно болит голова. Отказаться от ужина и уйти в свою комнату. Полежать спокойно и подумать. Чем больше Полина размышляла, тем больше убеждалась, что это правильный выход из положения. Она не будет врать и выкручиваться. Она просто промолчит.

Задумавшись, Полина чуть не проехала свою остановку. Выскочив в последний момент и расталкивая по пути входящих в маршрутку пассажиров, она автоматически двинулась к своему дому, продолжая обдумывать предстоящее поведение. Голова совсем не контролировала передвижение, продолжая гонять грустные мысли по замкнутому кругу. К своему теперешнему месту жительства Полина долго не могла привыкнуть после переезда из райцентра. Стоявшая боком к улице девятиэтажка казалась чем-то чужеродным, непривычным и даже, отчасти, нелепым. Лифта Полина немного побаивалась, как и любого замкнутого пространства. Она и теперь не любила поездок в лифте, и если случалось возвращаться домой налегке и в одиночестве, то предпочитала подниматься на свой шестой этаж по лестнице. Конечно, сделанный недавно ремонт в подъезде и оборудованная домофоном дверь позволили избавиться от раскрашенных бестолковыми надписями стен и неприятных запахов, но всё равно многоэтажка не вызывала у Полины ощущения родного дома. Глубоко задумавшись, она механически переставляла ноги со ступеньку на ступеньку и чуть не прошла мимо своего этажа и своей квартиры. Вздохнув, девушка повернулась к металлической двери цвета красного дерева со знакомым номером, нашарила в кармашке сумочки ключи. Клацнул открывшийся замок. Квартира встретила её знакомыми запахами и звуками. Слегка прикрыв глаза от яркого света в прихожей, Полина негромко произнесла:

– Я пришла.

Из гостиной раздавался бодрый голос телевизионной ведущей. Видимо, папа отдыхает за просмотром новостей, случившихся в стране и мире за сегодняшний день. Справа, из кухни, выглянула энергичная мама, держащая ложку в правой руке и полотенце в левой.

– Явилась? – недовольно проговорила она, подходя поближе и привычно подставляя дочери щёку для поцелуя. – Чего так долго? После работы задержалась?

– Да, нет, долго добиралась, автобуса не было, – устало вздохнула Полина.

– Полтора часа не было автобуса? – деланно удивилась мама, принюхиваясь к запаху, шедшему изо рта дочери. – А чем это от тебя пахнет, позволь спросить?

«Не позволю! Какое тебе дело!?» – возмущённые слова не сорвались с Полининых губ, как всегда застряв где-то глубоко в горле, отчего пришлось закашляться и помотать головой.

– Не трясись головой, а отвечай! – мама строго заглянула в глаза дочери. – Ты что, пьяная?!

На пороге гостиной, услышав возмущённый голос, жены появился папа и немедленно включился в разговор.

– Полина, ты где была? Мы тебя ждём, ужинать не садимся, а тебя всё нет и нет!

– Саш, наша дочь спивается у нас на глазах, – мама подняла руки к вискам и демонстративно начала их тереть, как будто у неё раскалывается голова от боли. – Она уже позволяет себе приходить домой пьяной!

– Ты где и с кем была? – в голосе папы отчётливо проявились грозные раскаты, так хорошо знакомые Полине с детства.

– Mam, – стараясь говорить спокойно, произнесла Полина, всё ещё надеясь на сочувствие и понимание, – я была на похоронах Ники. Я же тебе писала. На поминках пришлось выпить стопку водки. Так полагается. Да я и замёрзла очень на кладбище, ветер сегодня пронизывающий и сыро.

– Я же тебе запретила! – возмущённо повысила голос Татьяна, оглядываясь за поддержкой на мужа. – А ты всё равно поёрлась хоронить эту наркоманку, которая чуть жизнь тебе не испортила?!

Родители, перебивая друг друга, начали объяснять, в чём провинилась Полина, как она неправильно себя ведёт, в чём в очередной раз виновата перед ними. Полина медленно сняла пальто, размотала шарф, поставила сумочку на тумбочку, стараясь не особо вслушиваться в возмущённые родительские голоса.

– Mam, там у тебя котлеты на плите сгорят, – неожиданно для самой себя спокойно произнесла Полина, почувствовав запах пригорающих котлет.

Родители одновременно застыли с открытыми ртами, как будто кто-то наложил на них заклятие безмолвия. Первой отмерла мама.

– Она ещё и оговаривается, – растерянно произнесла она. Такая спокойная реакция дочери была неожиданной. Родители привыкли, что Полина адекватно реагирует на замечания, то есть опускает голову, начинает оправдываться, просить прощения, плакать. Это было правильно. Ребёнок должен осознать свою вину и раскаяться в ней. – Мы ей про то, что она неправа, а она...

– Про котлеты! – возмущённо закончил фразу отец.

Обойдя замершие в недоумении фигуры родителей стороной, Полина прошла на кухню, взяла в руки деревянную лопаточку и начала переворачивать шкворчащие на сковороде котлеты, по опыту зная, что в сгоревшей пище немедленно будет обвинена опять же она. А как же! Ведь это она своим появлением в нетрезвом виде отвлекла мать от приготовления ужина!

Через несколько секунд мама с поджатыми губами вернулась на кухню, молча отобрала у дочери лопаточку, с обиженным видом закончила переворачивать котлеты и начала сливать воду из кипящей на соседней конфорке кастрюли с картошкой.

– Я думаю, что ты сыта. Тебя должны были покормить там, где напоили, – сквозь сжатые губы проговорила Татьяна.

– Да, мам, спасибо. Я устала, пойду, прилягу. Сил нет. Ника же была моей ровесницей. Тяжёлое зрелище, – накопившаяся усталость и печальные переживания, действительно, отбили у Полины аппетит. Она почти не обратила внимания на слова матери, на тон, которым они были произнесены.

Погружённая в себя Полина вышла из кухни, прошла мимо что-то говорившего отца в свою комнату, закрыла за собой дверь. Не раздеваясь опустилась на кровать. Немного посидела, уставившись бессмысленным взглядом в стену напротив, затем завалилась на бок, подтянула ноги к груди, натянула пушистый плед, которым была застелена кровать, на плечи, чтобы согреться и унять внезапно возникшую внутреннюю дрожь. Прокручивая в голове невольно подслушанный разговор в автобусе, Полина незаметно уснула.

Посреди ночи девушка проснулась, как от удара электрическим током. Широко открыв глаза и вглядываясь в темноту, она пыталась понять, что же её разбудило. От внезапного яркого озарения Полину подбросило в кровати. Ребёнок! У Ники должен был родиться ребёнок! Вот что её беспокоило всё это время! Где-то живёт маленькое существо, которое сегодня лишилось мамы...

2 глава. Ника. Семь лет назад.

Ника стояла на ступеньках небольшого старого особняка, в котором располагался Оздоровительно-лечебный центр, и с наслаждением подставляла лицо яркому осеннему солнышку, брызнувшему сегодня последними тёплыми лучами на серый хмурый город в надежде подбодрить его перед длительной депрессивной зимой. Здесь она провела последние четыре месяца. Отец оплатил лечение и реабилитацию в хорошем Центре после очередного передоза, который привёл её в психушку. Она была в крайне плохом состоянии: накатывали внезапные панические атаки, кругом виделись монстры и чудовища с деформированными головами. От страха хотелось выть и биться головой о стены. Выкручивало жуткой болью суставы. Болели даже волосы на голове, от чего она становилась тяжёлой, налитой свинцом и отказывалась производить любые мысли. Даже о том, где взять очередную дозу.

Теперь всё позади. Все трудности и страхи уйдут безвозвратно. Она заживёт замечательной жизнью. Будет учиться и работать. Выйдет замуж. Всё самое плохое в её жизни уже случилось. Теперь будет происходить только хорошее. Вот и день такой замечательный! Две недели стояла тоскливая дождливая погода. А сегодня – солнышко! Так чудесно!

Её выписали сегодня с утра. Пока продолжалась обычная волокита с бумагами, Ника собирала вещи, старательно укладывая их в объёмную сумку. Удивительно, как человек обращает имуществом, посмеивалась она сама над собой. Всего четыре месяца здесь, а уже целый баул набрался с вещами. Отец и мать приносили на проведки разные необходимые мелочи, которые, оседая в тумбочке и шкафу, занимали не так уж много места. Зато теперь никак не влезали в заботливо оставленную родителями дорожную сумку. Справившись с оказавшимся таким трудным делом упаковки багажа, Ника присела на свою кровать и огляделась по сторонам. Стол... Тумбочка... Шкаф у противоположной стены... Книжная полка... Здесь всё казалось таким знакомым, привычным. Каждая трещинка на высоком потолке была изучена до самого мельчайшего своего изгиба длительными часами пристального наблюдения. Удивительно, как может поменяться человек! Нику привезли сюда в ужасном состоянии, слабую и беспомощную. А теперь она, как Феникс, о котором рассказывала Маринка, возродилась из пепла к новой жизни.

В этой новой жизни Ника всему удивлялась. Оказывается, можно жить без боли и страха. Можно читать прекрасные книги и мечтать о будущем. Можно поверить в то, что всё сложится хорошо, и это вполне возможный вариант развития событий. Как прекрасно жить на белом свете! Последнюю неделю она чувствовала себя просто замечательно: абсолютно здоровой, отдохнувшей, набравшейся сил, как после поездки на море. Беседы с психологом Анечкой (так они называли между собой пожилую женщину-психотерапевта с невыносимо ангельской внешностью, несмотря на прожитые годы и трудности работы, сохранившую какую-то детскую непосредственность) внушали уверенность в завтрашнем дне и своих силах. А сегодня ещё и солнышко. Ласковое осеннее солнышко, согревающее своим предзимним теплом новую жизнь новой Ники.

Открывшаяся дверь толкнула Нику в спину, заставив сделать несколько торопливых шагов вперёд по широкому крыльцу, чтобы удержать равновесие. Оглянувшись назад, девушка увидела стоявшую в дверном проёме Маринку. Она тоже проходила реабилитацию, только приехала позже Ники, поэтому ей предстояло ещё пару недель провести в Центре.

– Хотела сбежать, не попрощавшись? – Маринка слегка надула губы, делая вид, что обижается на подругу. – Не удастся! Я тебя всё равно догнала!

– Я просто тебя не нашла, – объяснила, улыбаясь, Ника. – Заглянула – тебя нет в комнате, а меня Тамара Петровна торопила. Я бы тебе письмо написала!

– Письмо! – Маринка хлопнула себя руками по бокам и зашлась заливистым смехом. – Прямо настоящее письмо?! На бумаге? В конверте? По почте?

– А что ты думаешь? Да, в конверте, по почте! – поддержала смехом подругу Ника. – Думаешь, мне слабо?!

– Ой, нет! Не слабо! Верю! – Маринка вышла за дверь и подошла поближе, сделавшись внезапно чрезвычайно серьёзной. – Хорошо всё-таки, что я тебя увидела перед тем, как ты уйдёшь. Было бы жаль даже не попрощаться. Я просто хотела пожелать тебе удачи в новой жизни. Помнишь, как мы с тобой мечтали? Вылечимся, выйдем отсюда, заживём новой яркой жизнью... Сделаем всё, чтобы не повторился весь этот кошмар...

– Да, я помню, – тихим голосом проговорила Ника. – Спасибо тебе за поддержку. Что бы я тут без тебя делала? Было бы, наверное, в триста раз труднее.

– А почему именно в триста? – Маринка вновь перешла на шуточный тон. – Почему не в двести?

– Дураки на месте! – отпарировала Ника и обе подруги улыбнулись, вспомнив, как именно с этой фразы началась их дружба, когда Маринку только привезли, и она ещё ничего тут не знала, ни с кем не была знакома.

Отсмеявшись, Маринка подалась вперёд, обняла Нику за плечи, отвела рукой её пышные волосы от уха и, наклонившись, прошептала: «Удачи! Не забывай меня. У тебя есть адрес, приходи, если будет трудно... Это ведь только кажется, что всё будет легко. Держись, ты же Ника – богиня Победы! Мы должны победить этот мир!»

Ника подняла свободную от сумки руку и прижала к себе голову подруги.

– Я буду держаться, Марин! И ты меня не забывай! Выйдешь – позвони. Встретимся, поговорим, – тоже почему-то шёпотом произнесла Ника, а затем шуточно отстранилась и продолжила: – Ладно, беги, беги! А то простинешь! Осеннее тепло обманчиво. Продует, будешь с красным носом сидеть, как Дед Мороз!

– Бегу! – откликнулась Маринка. Отступила к двери, запахнула на себе поплотнее расстёгнутую олимпийку, зябко повела плечами, словно только теперь почувствовала пробирающий внутрь холод. – И ты иди! Удачи!

Ника махнула на прощание, переложив сумку в другую руку и уверенной походкой пошла по дорожке к воротам парка, окружающего Центр реабилитации. На выходе знакомый пожилой охранник проверил справку-выписку и паспорт, внимательно оглядел Нику.

– За тобой кто-нибудь из родственников приедет, Вероника?

– Нет, – девушка отрицательно помотала головой. – Сегодня же рабочий день. Я самостоятельно доберусь. Папа мне денег на автобус оставил.

– К отцу поедешь или к матери? Они ж у тебя в разводе, я слышал? – охранник продолжал держать в руке документы.

– К матери. У неё частный дом, а у отца квартира и маленький ребёнок, – Ника протянула руку, забрала документы из рук охранника, расстегнула молнию кармашка и положила бумаги в сумку.

– А что делать теперь собираешься? – охранник внимательно следил за действиями девушки.

– Вернусь в школу. Я ведь экзамены за девятый класс так и не сдала. Доучусь, получу аттестат, пойду в колледж или техникум. Хочу профессию получить. Только пока не знаю, какую.

– Планы хорошие, молодец, – охранник, позвякивая ключами, отомкнул входную дверь и выпустил Нику за территорию Центра. – Ну, счастливо тебе, Вероника.

– До свидания!

– Нет, лучше прощай! Не гоже сюда-то возвращаться, – охранник всё ещё стоял у калитки и смотрел на Нику. – Пусть у тебя всё гладко сложится. Прощай, дочка.

Ника ласково улыбнулась, кивнула ещё раз охраннику на прощание и пошла к остановке автобуса. Ей предстояло добраться до автовокзала на маршрутке с двумя пересадками, прежде чем она сможет купить билет на автобус до своего родного города.

Охранник закрыл за Никой дверь. Вздохнул, запер калитку и пошёл в сторожку. Сколько таких милых девочек и мальчиков выходило за ворота роскошного парка! Все они были полны надежд на то, что получили шанс на новую жизнь. И как же печально видеть их вновь, почти потерявших человеческий облик, возвращающихся сюда на лечение, за новым шансом. Так не все ещё попадают в этот Центр. Он дорогой, реабилитация тут стоит бешеных денег. Не у всех родителей есть возможность заплатить такую цену. Этой славной красивой девочке повезло, что она оказалась здесь, где практикуют лучшие специалисты, знатоки своего дела, преданные ему беззаветно. Но и они – не волшебники. Они не могут изменить весь мир, сделать так, чтобы их бывшие пациенты не сталкивались с трудностями, отчаянием и болью. Ведь главная их проблема – неспособность справиться с реальной жизнью. Вот она их и перемалывает в порошок. Белый порошок, способный подарить им спокойствие и радость хоть на время. Только уж очень короткое оно, это время, бывает. И радость короткая – только миг. Зато потом наступает целая вечность, наполненная страданием и болью. Как научить детей справляться с собственной жизнью, с трудностями и огорчениями, предательством и жестокостью посторонних и, что ещё страшнее, близких людей? Они слишком хрупкие и неподготовленные, вот и ломаются от обрушившейся непогоды. Жалко...

Охранник вздохнул. Повёл плечами, стараясь физическим движением стряхнуть грустные мысли. Ника уже скрылась за поворотом. Ещё раз вздохнув, охранник мысленно пожелал славной девчужке, годившейся ему во внучки, стойкости и хороших людей в окружении, чтобы она не сбилась снова с жизненного пути. Затем занялся привычными делами: присел к столу, раскрыл журнал и внёс в него запись о времени выхода за пределы территории Сёминой Вероники Сергеевны «в связи с излечением».

3 глава. Кирилл.

– Кирилл Александрович! – секретарша окликнула задумавшегося шефа, привлекая к себе внимание. – Я договор отправила по электронке. Сметы отдала Дергунову, он обещал к пятнице посмотреть и внести правку. Звонили из мэрии по нашему проекту и ваша жена по вопросу совместного ужина. Она так и сказала, – извиняющимся тоном добавила Ася.

Кирилл вздрогнул от мелодичного голоса секретарши, так неожиданно раздавшегося рядом с ним. Мельком глянул на часы, вздёрнув руку, чтобы поднять манжет рубашки и освободить циферблат, подсвеченный в полутёмной комнате голубоватым светом. Он совсем потерял ориентацию во времени. Вон за окном уже смеркается. Уличные фонари зажглись, расплываясь в туманных сумерках жёлто-розовыми неотчётливыми пятнами. Сколько же он просидел так, размышляя над своими проблемами, навалившимися одновременно со всех сторон? Ещё раз посмотрел на циферблат, потому что в первый раз просто не увидел времени, занятый своими мыслями. Полтора часа... А ведь время – дефицит. Разве можно его разбазаривать так бездарно? Встряхнувшись и проведя руками по лицу вверх-вниз несколько раз для снятия полусонной отупляющей одури, Кирилл только сейчас заметил секретаршу.

– Ася, с Дергуновым свяжись. Сметы надо ему срочно передать, а то он не успеет изменения внести...

– Кирилл Александрович! – секретарша вздохнула и начала свой отчёт с начала, поняв, что начальник не слышал ни слова из её доклада. – Сметы Вячеславу Николаевичу я уже отдала. Договор по электронке отправила. Звонили из мэрии и Ваша жена.

– Да, спасибо, – Кирилл опять посмотрел в окно. – Иди домой, Ася. Рабочий день закончился. Я завтра с самого утра в мэрию поеду, так что меня часов до одиннадцати не будет. Дергачёв пусть заказ оформляет, когда сметы доделает. Передай ему, пусть меня не ждёт.

– До свидания, Кирилл Александрович! – Ася повернулась, одновременно складывая в папку бумаги, взятые со стола начальника, и пошла к двери.

– А что ты сказала, жена звонила? – остановил её на полпути голос Кирилла. – Что-то срочное было?

– Она насчёт ужина интересовалась. Совместного, – секретарша притормозила и слегка обернулась, готовясь дать дополнительные разъяснения в случае необходимости.

– А-а-а! Я забыл, что договаривался с ней, – Кирилл махнул рукой и попытался без особого успеха улыбнуться. – Иди-иди! Тебе же долго добираться, а ты и так уже на час задержалась. Я тоже сейчас пойду, не беспокойся, всё закрою.

Секретарь вышла, аккуратно прикрыв за собой плотную дверь кабинета. Спрятав папку в шкаф и закрыв его на ключ, она накинула изящное кашемировое пальто, пристроила вокруг шеи элегантный лёгкий шарфик, завязав его оригинальным способом, прихватила сумочку с полочки у стола, закинула туда связку ключей, ещё раз проверила, всё ли в порядке, и зацокала каблучками к выходу из приёмной.

Кирилл прислушивался к её удаляющимся шагам. Когда стало совсем тихо, он взял мобильник и набрал знакомый номер. Трубка долго молчала, а потом заявила равнодушным голосом, что «абонент находится вне зоны действия сети».

– Интересно, – сам с собой заговорил Кирилл, – где это у нас можно быть вне зоны действия сети? Отключила? Обиделась?

Задумчиво постукивая дорогим навороченным аппаратом по раскрытой ладони, Кирилл глядел в окно на ступившиеся до полной темноты сумерки. Надо выходить из этого замороженного состояния и решать накопившиеся проблемы. Что это в последнее время на него нашло? Никак он не может собраться. Вся энергия куда-то пропала, хотя он особо не перерабатывал, да и в отпуск совсем недавно, пару месяцев назад, мотался вместе с женой. К тёп-

лону иноземному морю, ласковому белому песку, нездешним, изумительным по своей красоте пейзажам. Ещё живы воспоминания, ещё стоят заманчивые картинки перед глазами. А жизнь сделала крутой поворот и подбросила на его порог большую неаппетитную кучу.

Впрочем, нет нужды задаваться вопросом, что случилось. Он прекрасно знает, что именно пошло не так. И голову в песок, как страус, не спрячешь. Надо просто как-то смириться с произошедшим. Просто! Если бы это было так просто! Вначале он даже не заметил первых симптомов. Небольшая ломота в теле, лёгкие головные боли – у кого их не бывает! Прилетели с островов, проведя сказочный, счастливый отпуск, и его подкосила какая-то необычная лихорадка. Температура скакала вверх-вниз, болело всё тело, постоянно было то холодно от озноба, то жарко до изнеможения. На работе накопились за время его отпуска срочные дела, у него просто не было возможности даже просто полежать пару дней в постели. Он махнул рукой на все эти неудобства и погрузился с головой в любимую работу. Через неделю все симптомы исчезли. Всё вошло в свою рабочую колею. Они с женой наконец-то задумались о рождении ребёнка. Во время отпуска ему удалось уговорить Юлю совершить такой подвиг во имя их семьи. Она уже лет пять всё отнекивалась, отговариваясь тем, что нужно пожить для себя. И вот – согласилась! Как же он был счастлив! Наконец-то у них родится малыш – чудо, продолжающее их обоих. Они обсуждали, кого больше хочется – мальчика или девочку, бегали по поликлинике, сдавали анализы и проходили необходимые обследования. Жена с таким же жаром, как раньше отказывалась от рождения ребёнка, теперь могла говорить только о своём материнстве, своём малыше, радости всей своей жизни. Наводила справки о врачах, о лучшем роддоме в городе, о ценах на детские вещи. Захватывающие переживания продолжались почти месяц. Наконец, Кирилл поехал забирать результаты своих анализов...

До сих пор он не мог поверить, что всё случившееся – правда и происходит именно с ним. Внимательный молодой врач пригласил его в кабинет, предложил присесть и успокоиться. Кирилл заверил его, что он спокоен, всё в порядке, протянул руку за распечаткой с результатами анализов. Доктор покачал головой, предложил ещё раз успокоиться и сообщил, что из-за перенесённого заболевания у Кирилла не будет детей. Если бы в этот момент раздался небесный гром, то, наверное, Кирилл его бы даже не услышал. Он сидел, выпрямившись на стуле, не моргая, смотрел на врача и не понимал, о чём тот толкует. Вроде слова все понятные. Только смысл ускользает, не задерживается в сознании.

Несколько раз Кирилл переспрашивал. Врач добросовестно повторял страшные слова снова и снова. Кирилл слышал их как-то выборочно. Не будет детей. Перенёс заболевание. Какая-то там лихорадка, он даже не расслышал её научное название. Анализы показали. Не будет детей... Не будет детей... Не будет детей...

– Доктор, а это лечится? – спросил Кирилл своего внимательного врача, когда до его сознания наконец дошла страшная правда.

– Боюсь, что мне нечем вас обрадовать, – доктор снял очки и протёр стёкла краем синей медицинской рубашки от костюма. – Такие изменения пока не лечатся. Вы к врачу, когда заболели, не обращались?

– Нет. Подумал – простая простуда, пройдёт. Времени не было, – Кирилл сторбился под тяжестью свалившейся на него ноши. Говорить стало трудно, язык едва поворачивался во рту и казался инородным телом в организме. – Думал – пройдёт...

– Вам надо собрать силы и постараться принять это известие, – врач изо всех сил старался успокоить и утешить пациента, прекрасно понимая, что свыкнуться с таким диагнозом всегда непросто. – Возьмите ваши выписки и справки, я всё подготовил. Если хотите, я дам Вам телефон и адрес клинки в Москве. Съездите, там проконсультируйтесь. Два мнения всегда лучше, чем одно. Может, они что-то и посоветуют. Болезнь не сказать, чтобы очень известная, скорее даже редкая. У них там опыта побольше. Не отчаивайтесь.

Поблагодарив внимательного врача, Кирилл вышел от него почти успокоенным. Решил, что жене ничего пока говорить не будет. Придумает себе командировку, тем более, что и на самом деле часто мотается в столицу, посетит рекомендованную клинику, сдаст дополнительные анализы, пройдет, если нужно, лечение. Всё будет хорошо! Жизнь только начинается! У них появится малыш. Как же он будет его любить!

Вот уже три дня, как он вернулся из Москвы... Столичные специалисты полностью подтвердили опасения местного врача. Детей у Кирилла не будет. Его малышу не суждено родиться на белый свет.

С тех пор он и пребывает в каком-то замороженном состоянии. Пытается собрать разбегающиеся мысли. Пока ничего не получается. Перед глазами то мелькают картинки недавнего отпуска, то внимательный, сочувствующий взгляд молодого врача, то нежно-голубые стены Московской клиники. Он всё глядел и глядел на них, когда вышел из кабинета с подтвердившимся окончательным диагнозом на руках. Впрочем, и Московские специалисты не могли с точностью сказать, будет ли эффект от лечения. Скорее всего – нет. Болезнь редкая, последствия мало изучены.

С женой он старался не говорить и не встречаться. Она вначале почти не обращала внимания на его ставшее постоянным отсутствие дома. Потом задавала шуточные вопросы, стараясь выяснить, чем это он так озабочен, что и на жену времени не находит. Потом начала обижаться на постоянное невнимание и погружённость в себя. Потом стала ревновать к более успешной сопернице. Кирилл молчал, ничем не оправдываясь, не отвечая на шутки и обиды. Юлия выходила из себя, кричала, что он её не любит, плакала. А он всё не мог найти в себе силы и рассказать ей страшную правду. Убить и её надежду на маленькое совместное чудо.

Сегодня наконец придётся это сделать.

Кирилл пошатываясь поднялся из-за стола, почти ничего не видя в темноте, на ощупь добрался до встроенного шкафа, вытянул дорожное, «респектабельное», как называла его Юлия, пальто, машинально всунул руки в рукава, дошёл до двери. Осталось только запереть офис, спуститься вниз, сесть в машину и доехать до дома. Там наверняка его ждёт Юлька. Обиженная Юлька, которая просто выключила телефон, когда он, Кирилл, окончательно перестал отвечать на звонки. До этого он умирал один. Теперь их будет двое. Вернее, трое, считая нерождённого малыша.

4 глава. Полина.

Всё утро на следующий день после похорон подруги Полина обдумывала сложившуюся ситуацию. Посетителей в торговом центре было совсем немного – будний день, первая половина, поэтому от размышлений её почти ничего не отвлекало. Когда она думала о маленьком, брошенном матерью и всеми другими родственниками ребёнке, сердце сжималось от острой, пронизывающей жалости. Чем виноват этот беспомощный комочек в том, что жизнь так несправедливо с ним обошлась? У него нет ярких игрушек и красивой одежды... У него нет мамы, папы, бабушек и дедушек... У него нет любви, заботы и ласки, сопровождающих детство большинства маленьких граждан такой большой страны. Этот ребёнок видит только чужие, казённые стены, выкрашенные в стандартный бежевый цвет, суровых тёток-воспитательниц, практически утративших жалость к своим брошенным подопечным в силу специфики работы в детском доме, общие для всех игрушки и одинаковые со сверстниками вещи.

Полина представляла себе маленького мальчика, съёжившегося на стульчике в столовой, размазывающего комковатую водянистую кашу по тарелке и получающего за это по рукам. А потом – маленькую девочку с тёмными кудряшками вокруг нежного личика, плачущую от того, что старший мальчишка-хулиган отобрал у неё красивую конфету, которую она так и не успела попробовать.

Картинки каждый раз получались грустными. Полина всхлипывала, оглядывалась по сторонам и вытирала ладонью набежавшие непрошенные слёзы. Пыталась отвлечься, разглядывая редких посетителей. Но этого занятия хватало ненадолго. Несостоявшиеся покупатели уходили, а Полина рисовала у своей голове новые страшилки, действующими лицами в которых становились маленькие, лет трёх-четырёх, мальчики и девочки.

Ближе к обеденному перерыву в магазинчик заглянула хозяйка. Она всегда относилась к Полине по-доброму, поэтому увидев распухшее лицо, красные глаза и поникшие плечи своего «менеджера по продажам», заинтересовалась, что случилось. Всклипывая и стараясь не разреветься в голос, Полина рассказала и о вчерашнем печальном событии, и о своих переживаниях по этому поводу, и о неотступных мыслях о маленьком существе, брошенном на произвол судьбы неизвестно где. Хозяйка, женщина энергичная и боевая, покачала головой.

– Так ты себя, Полинка, в депрессняк загонишь. Нельзя распускаться. Ну, поплакала, и хватит. Слезами, ты знаешь, горю не поможешь. Понимаешь?

– Понимаю, Светлана Викторовна, – всхлинула Полина. – Я только поделаться с собой ничего не могу-у-у. Оно само плачется.

– Ты плачешь оттого, что решение принять не можешь, – хозяйка уверенно прошла в глубину магазина, присела на стул, похлопала по соседнему стулу рукой. – Присядь, давай поговорим, разберёмся в твоих переживаниях.

Полина послушно присела рядом с ней, достала бумажный платочек из уже подходящей к концу пачки, вытерла остатки слёз и приготовилась слушать.

– Ответь мне, ты о своей подруге, которую похоронили, часто вспоминала?

– Нет, – растерянно пробормотала Полина. – Я долгое время вообще о ней не думала. Было полно других забот.

– Вот! – Светлана Викторовна подняла указательный палец вверх. – Ты о ней не вспоминала, значит, она в твоей жизни не играла основную роль. Так?

– Так, – хлопая глазами, но постепенно успокаиваясь от неторопливости беседы и уверенного голоса собеседницы, проговорила девушка.

– Значит, плачешь ты не о ней. Это раз, – хозяйка загнула один палец. – Следующее. Ребёнок остался без родителей, без родственников, живёт в детском доме. Ты о нём не знала. Так?

– Так, – Полина заворожено смотрела, как хозяйка загибает второй палец.

– Раньше ты о таких фактах даже не задумывалась, тебе это и в голову не приходило, – Светлана Викторовна внимательно посмотрела в глаза девушке и покивала сама себе в ответ на свои же слова. – Задумываться об этом ты начала после разговора с другой подружкой... Люсей, кажется?

– Да, Люсей, – подтвердила Полина, продолжая сжимать в руках бумажный платочек и не решаясь выкинуть его в урну.

– Люся замужем, устроена в жизни, у неё есть ребёнок, – перечисляла Светлана Викторовна.

– Два ребёнка, – поправила Полина. – Близняшки, девочки.

– Значит, два ребёнка, – согласилась хозяйка. – Так что, милая моя, в тебе плачет не жалость к умершей подружке-наркоманке, не жалость к её ребёнку, который, ты даже не знаешь этого точно, есть ли на белом свете, а элементарная жалость к себе и зависть к подружке, у которой это всё есть.

– Не-е-ет, – Полина покачала головой, – я не завистливая. Да и о жалости к себе не думала. Мне же не себя жалко.

– Себя, себя, – Светлана Викторовна взяла девушку за плечи и заглянула ей в глаза. – Тебе только кажется, что ты не себя жалеешь, а подругу и её ребенка. На самом деле, это целиком твоя проблема. Проблема твоего отношения, твоих чувств.

Полина задумалась. Она, в принципе, всегда критически относилась к своему внутреннему миру, любила покопаться в своих мыслях и переживаниях. Подумав немного, Полина поняла, о чём пытается ей сказать хозяйка. Она действительно жалеет СЕБЯ. Сожалеет, что не могла вовремя помочь подружке, что у неё у самой нет ни мужа, ни малыша, что родители не являются поддержкой в жизни, а только попрекают и указывают на ошибки, что не они, а совершенно посторонний человек выслушал её и помогает разобраться в происходящем, отдаёт частичку того тепла, которое большинство людей получают от своих родных, дома.

– Спасибо Вам, Светлана Викторовна! – Полина подняла голову и встретилась глазами с сидящей напротив неё женщины. – Спасибо. Вы правы. Мне действительно жаль в первую очередь саму себя. Я...

– Тебе нужно разобраться в своих мыслях и чувствах, – перебила её хозяйка. – А потом принять решение. Чего ты на самом деле хочешь, Полин? Не задумывалась? Я давно за тобой наблюдаю. Ты же умная девочка, а ведёшь себя, как нашкодивший котёнок.

– Котёнок? – Полина улыбнулась такому сравнению. – Почему?

– Потому что живёшь, съжившись. Стараешься всем угодить и занимать как можно меньше места, не привлекать к себе внимания. Такое ощущение, что ты, как описавшийся котёнок, постоянно ожидаешь удара тапком по голове. Прости, конечно, если я тебя обидела. Но впечатление ты производишь именно такое.

– Наверное, – Полина втянула голову в плечи, и опустила глаза.

– Вот, опять! – воскликнула Светлана Викторовна, взмахнув руками. – Именно об этом я и говорю! Ты даже не пытаешься не то что дать сдачи, а даже просто выдержать удар! У тебя красный диплом, а ты ведёшь себя, как двоечница, не сделавшая домашнее задание, перед строгим учителем.

– У меня два красных диплома, – робко поправила Полина.

– Тем более! – Светлана Викторовна встала с места и начала в волнении прохаживаться по магазинчику. – Это уму непостижимо! Два красных диплома, а ты согласилась работать продавщицей. Нет, я, конечно рада, что ты у меня работаешь! Ты славная девочка, милая, порядочная, честная. Но я прекрасно понимаю, что ты можешь найти что-то получше вот такого прозябания.

– Я пыталась, – Полина следила взглядом за хозяйкой, поворачивая голову вслед за её перемещениями. – Я два месяца обивала пороги контор, писала резюме и ходила на собеседования. У меня нет опыта работы. Трудно устроиться юристом или экономистом без опыта в серьёзную фирму.

– А родители почему тебе не помогли? – Светлана Викторовна остановилась и вопросительно приподняла брови. – Ты же не сирота!

Внезапно у Полины защипало в носу. Она попыталась сдержать слёзы и всё равно заплакалась, уткнувшись в собственные руки и вздрагивая всем своим худощавым телом.

– Ну-ну-ну! – Светлана Викторовна, растерявшись, подбежала к сотруднице, приподняла её за плечи и прижала к себе, ласково поглаживая по склонённой русой голове, не знавшей мелирования, тонирования, окрашивания, завивок и прочих процедур, преобразующих естественную красоту волос прекрасной половины человечества. – Не плачь. Не надо. Бывают нелады с родителями. Не надо так убиваться. Успокойся.

– Они сказали, – прогундосила сквозь прижатые к лицу руки Полина, – что если я чего-нибудь стою, то смогу сама найти работу. А если я никчёмная, то тогда они тем более не будут за меня просить, чтобы их потом не упрекали за бестолкового сотрудника.

«Сволочи! – в сердцах подумала Светлана Викторовна, едва успев поймать слово на кончике языка, чтобы не произнести его вслух. – Замордовали девку, а помочь не хотят!»

– Ладно! Не плачь! – хозяйка подняла мокрое лицо Полины за подбородок, достала из кармана свой носовой платок со следами стёртой губной помады и начала вытирать её слёзы. – Сейчас мы с тобой ликвидируем последствия потопа, успокоимся, а потом подумаем, что нам с тобой делать. Иди, умойся, а я пока чайник поставлю, чайку попьём.

Полина пошла в туалет, наклонилась над раковиной, побрызгала себе в лицо тёплой водой. Подняла голову и внимательно рассмотрела своё отражение в зеркале. Она не считала себя красавицей, но сейчас выглядела просто ужасно: покрасневшие глаза, опухшее лицо, растрепавшиеся волосы... Пригладив кое-как волосы, перезатянув хвостик, в который они были аккуратно упрятаны, и решительно открыв кран с холодной водой, Полина подставила сложенные лодочкой ладони под ледяную струю, набрала полную пригоршню и окунула туда лицо. Разгорячённые щёки немного остыли. Стало легче. Полина несколько раз повторила освежающую процедуру. Кожа начала приобретать свой естественный бледный вид. Постояв перед зеркалом с закрытыми глазами, девушка вновь посмотрела на своё отражение. Уже лучше. Глаза, конечно, красные и опухшие, зато лицо почти пришло в порядок. Надо возвращаться к месту работы. Там её ждёт человек, которому она небезразлична. Может, опытная хозяйка подскажет выход из сложившейся ситуации.

Только теперь, на двадцать пятом году жизни, Полина поняла, что так дальше продолжаться не может. Надо что-то менять. Принимать решения и добиваться их исполнения. Только вот как это сделать? Такого опыта у неё тоже, к сожалению, не было.

5 глава. Ника. Семь лет назад.

Ника подходила к дому. Надоевшая сумка с вещами оттягивала руки, но девушка даже не замечала этого неудобства. Она хотела прийти домой. Чтобы мама её встречала, чтобы вкусно пахло приготовленной едой, чтобы пройти в свою комнату, улечься на свою кровать, вздохнуть спокойно и счастливо – она ДОМА! Как давно у неё не было этого прекрасно чувства – возвращения домой!

За четыре месяца в реабилитационном центре мама пять раз приезжала её навестить. Была она трезвая, опрятная. Ника давно её такой не видела. Они разговаривали на лавочке в парке. Мама рассказывала о себе. Её сократили по прежнему месту работы, так что теперь она – уборщица на местном предприятии. Зарплата, конечно, немного ниже, зато ответственности практически никакой. Следи, чтобы чисто было. Маме даже нравится её должность. Она всегда любила чистоту и порядок. И с Николаем у них всё нормально. Он сейчас почти не пьёт. На машину деньги собирает. Рассказав о себе, мама начинала спрашивать дочку. Как кормят, как относятся, есть ли подружки.

В общем, мамины посещения вызывали положительные эмоции, и Ника рассчитывала, что теперь у неё будет настоящий дом. Дом, где ей будут рады. Дом, где её ждут и любят. Дом, где будут заботиться о ней.

Ника открыла калитку, на минуту задержав руку на шершавом некрашеном штакетнике. Именно тут её впервые поцеловал Кирилл... Где он теперь? Сердце застучало чаще. «Я всё ещё люблю его, – удивлённо подумала Ника. – Надо же! Сколько всего произошло, а я всё ещё люблю Кирилла». Перед глазами, как наяву, возникла высокая стройная фигура, широкие плечи, обтянутые чёрной кожаной курткой. Тёмно-русые прямые волосы с пробором немного сбоку. Серые глаза в обрамлении прямых, как стрелы, чёрных ресниц. Сильные руки, сжимающие её плечи. Мягкие губы, ласково прикасающиеся к её губам. Запах свежести хорошего одеколона. «Я непременно его найду! Не может быть, чтобы он обо мне забыл!»

Ника всё ещё стояла у калитки, когда из дома на крылечко выскочила мама и прокричала: – Ника, что ж ты стоишь?! Заходи в дом! Мы тебя заждались! Сергей после обеда отпросился, тоже тебя здесь ждёт!

– И папа тут? – удивилась Ника. – Здорово! Я соскучилась.

Происходящее напоминало чудесный сон: в зале оказался накрыт стол, заставленный всякими вкусностями, за столом сидели отец и отчим, соседка тётя Маша и живущий через два дома дядя Гриша. Мама появилась за спиной дочери и подталкивала её к столу, держа на весу очередную тарелку с нарезанным салатом. Весёлая суэта охватила Нику радостным восторгом: всё было не зря! Здесь собрались люди, которым она небезразлична, которые любят её. Вот она, новая жизнь, которую обещали ей в Центре, и о которой так сладко мечталось перед сном.

За пару часов, проведённых за столом, Ника успела рассказать о Маринке, о пожилом охраннике, провожавшем её, как почётную гостью, о том, как она добиралась с пересадками до дома, и как ей уступил место солидный дядечка, узнав, что она едет из больницы, где проходила серьёзное лечение.

– Ой, Ника, ну ты выдумщица, – мама, хлопотавшая около стола, потрепала дочку по роскошным волосам. – Сочинительница! Тебе бы писателем стать, вон, что выдумываешь на ходу. И люди тебе верят.

– Талант, – поддакнул уже изрядно подвыпивший дядя Гриша. – Я всегда говорил, что из Ники выйдет толк.

– А куда ж ты теперь? – подперев румяную щёку рукой, спросила тётя Маша. – Дома жить будешь? Или поедешь куда?

– Да пока дома, – Ника потянулась и наложила себе в тарелку вкусного мамино салат. Она помнила, что такой салат мама делала только по большим праздникам – на Новый год, например. – Мне аттестат надо получить. Я же школу не успела закончить. А потом, возможно, что и уеду.

– Молодец, дочка, – вздохнул с облегчением отец. – Школу обязательно надо закончить. А там в техникум пойдёшь, специальность получишь. Глядишь, всё и наладится.

– Да, я понимаю, па! – откликнулась без всякого раздражения Ника. Ей было приятно, что её планы на жизнь встречают одобрение и поддержку близких. – Тётя Маш, а вы не знаете, Кирилл Левашов где сейчас?

– Ой, Ника, здесь Кирилл. Университет свой закончил, к родителям вернулся. Он у нас – бизнесмен. У него фирма по починке компьютеров в центре города. Они со Славкой Дергачёвым (Помнишь Славку-то? Из его же класса парень, тут, за три квартала от нас, живёт.) вместе и открыли. Даже у родителей денег не занимали, сами насобирали.

– Там у них постоянная очередь, – включился в разговор молчавший до этого отчим. – Работают ребята целыми сутками.

– Ещё бы! Вдвоём-то! – это опять вступила тётя Маша. – В нашем районе всего одна такая фирма и есть. Вот у ребят работы и полно. Только успевай поворачиваться!

– Эх, молодость! – вздохнул отец. – Хорошая пора!

– Да ничего в ней особенно хорошего и нет, – не согласился дядя Гриша. – Работа каторжная, жизнь неустроенная. Ни дома своего, ни семьи, – он махнул рукой, выпил содержимое рюмки, которую держал и потыкал вилкой в красивый мамин салат. – Вкусно готовишь, Надежда, молодец! Вон какой стол соорудила.

От уютных негромких разговоров, обилия впечатлений и ощущения покоя, разлившегося внутри тела, Ника расслабилась. Её потянуло в сон, и она прикрыла на минуточку глаза.

– Дочка, – папа, сидевший напротив, встревоженно потянулся к ней через стол. – Тебе плохо?

– Нет, пап, не волнуйся, – Ника начала вставать из-за стола. – Всё нормально. Просто я устала от поездки и хочу спать. Я пойду, прилягу, ладно, мам? Ты сама уберёшь со стола?

– Не волнуйся, дочка, иди, отдыхай, – мама потрепала Нику по плечу. – Мы справимся тут и без тебя.

Ника буквально доползла до своей комнаты и рухнула в постель. Она не слышала, как отец, осторожно ступая на цыпочках, подошёл к двери в комнату и плотно прикрыл её, как шумело разгулявшееся застолье, как мама бегала в магазин за очередной партией спиртного, как чуть не подрались дядя Гриша и отчим, как тётя Маша ругалась с её отцом и называла его прощельгой, променявшим дочь на чужую бабу, как мать рыдала, уткнувшись в угол бело-снежной скатерти, жалуясь неизвестно кому на свою непростую судьбу...

Жизнь шла своим чередом, только Ника об этом пока не подозревала. Ей снился Кирилл, склонившийся над разобранным на запчасти компьютером. Она стояла рядом, а он её не замечал, увлечённо ковыряясь в разнокалиберных железках. Она пыталась привлечь его внимание, кричала во весь голос, но даже сама себя не слышала. А потом холодный, металлический голос сказал откуда-то изнутри, что это не её жизнь. Тело покрылось мурашками. Ника проснулась и зябко поёжилась. «Это всего лишь глупый сон, – подумала девушка, прислушиваясь к уютной тишине и не сразу сообразив, где она находится. – Я дома. Всё будет хорошо. И Кирилла я непременно разыщу. Только со школой вопросы порешаю, и разыщу». Успокоенно вздохнув, Ника повернулась на другой бок и вновь погрузилась в сон. Только теперь ей уже снился не Кирилл, а маленькая кудрявая девочка, подвижная и черноглазая, как и сама Ника.

Проснувшись утром, Ника не вспомнила о своих снах. Ей просто было спокойно и тепло. Весело напевая, она собиралась в свою старую школу. Словно время, и правда, повернуло вспять.

6 глава. Кирилл.

Кирилл думал, что объяснение с женой и раскрытие страшной правды, что у него не может быть детей, сблизит их окончательно. Они вместе будут решать возникшую проблему, поддерживать друг друга... Однако, Юлька считала совсем иначе. Три дня назад он вернулся домой. Набрался смелости, выдохнул и всё ей рассказал. Напомнил, как переболел после отпуска на берегу океана (будь он неладен!) какой-то редкой лихорадкой. Объяснил, почему не лечился, она же должна помнить, какие проблемы были в офисе из-за двухнедельного отсутствия шефа! Рассказал о своих мытарствах и советах врачей... О поездке в Московскую клинику... Юлька слушала молча, не перебивая. Кирилл подумал, что сейчас она заплачет и обнимет его, постарается утешить. Но... Через десять минут Кирилл убедился, что чужая душа – потёмки, даже если это душа человека, который прожил с тобой бок о бок почти шесть лет.

– Как ты мог так со мной поступить?! – Юлька почти шипела. От этого становилось даже страшно. – Ты уговорил меня рожать ребёнка, а сам?! Ты это нарочно сделал, да?! Чтобы добить меня?! Как ты мог так поступить со мной?! Я уже люблю этого малыша, а ты мне делаешь вот такие заявления?! Ты... Ты...

Повернувшись к мужу спиной, Юля попыталась уйти в другую комнату.

– Юль... Ты что?! – Кирилл в два огромных шага догнал жену, схватил за плечи и рывком развернул к себе лицом. – Юль! Я узнал об этом только десять дней назад! О чём ты говоришь?! Я хочу нашего ребёнка ничуть ни меньше тебя!

– Конечно, – Юля злыми сухими глазами смотрела Кириллу в переносицу, – именно поэтому ты перестал приходить домой вовремя. У тебя же работа, проекты!

Последние слова были сказаны с такой язвительной жалостью, что руки Кирилла разжались сами собой, выпуская плечи стоявшей перед ним жены.

– При чём тут возвращение домой? – в некотором обалдении произнёс Кирилл и потряс головой, стараясь сбросить с себя негатив последней фразы.

– Да притом! – Юля, наконец, повысила голос и перешла на крик. – Завёл себе кого-то, так имей мужество признаться, что я тебе больше не нужна! А не выдумывай тут нелепые объяснения! Не ищи дураков! Не найдёшь! Я давно ждала, что ты сейчас мне петь начнёшь! Но вот такого!...

– Юль, ты что говоришь? – Кирилл совсем растерялся. Такого поведения жены он совсем не ожидал и был к нему не готов. – Ты сама себя слышишь?

– А что я говорю? – Юля откинула белоснежные, идеально выпрямленные в дорогом салоне волосы назад и картинно подняла скорректированные в том же салоне брови в деланном изумлении. – Я-то, в отличие от тебя, говорю правду.

– Юль, я тебе документы могу показать, – Кирилл сделал попытку залезть в портфель с бумагами и достать справки.

– Молодец! – выплюнула слово Юля. – Даже бумажками запасся! Вот что значит – качественный подход и умение просчитывать всё наперёд! Я прямо горжусь тобой, Кирилл! Молодец!

– Юль... – Кирилл стоял в полном недоумении, держа растопыренный открытый портфель в левой руке. Правая замерла в нелепом положении, так и не добравшись до бумаг, лежащих внутри.

– Не жди! Я скандалы тебе устраивать не собираюсь! – Юля вновь повернулась и пошла к выходу из комнаты. – Завтра же я подаю на развод и раздел имущества. Твоей курице, с которой ты мне изменяешь, достанется немного, так ей и передай! Нет, это надо, какую причину выдумал?! Ты ещё пожалеешь, что так со мной поступил, голубчик!

Растерявшись от неожиданной угрозы развода и потери половины имущества, Кирилл даже не сделал попытку удержать уходящую жену. Он стоял, замерев в нелепой позе посреди комнаты минут десять. Из состояния оцепенения его вывела хлопнувшая входная дверь. Юля ушла. Куда она сейчас пойдёт? Что с ними будет дальше? Кирилл собрался с силами и закрыл молнию на портфеле. Бумаги, которые он хотел достать, никому не нужны. Даже ему самому. Наивный дурак! Он рассчитывал на сочувствие. Думал, что ему сложно. Не учёл, что человек, живущий рядом, мыслит и чувствует совсем по-другому. Вполне возможно, что если бы он не тянул, а рассказал всё Юльке сразу, как только сам узнал, всё сложилось бы по-другому. А он позволил ей на протяжении этих месяцев строить планы и ревновать. Вот она себя и накрутила. И кто теперь во всём виноват? Что им теперь делать? Вечные русские вопросы, которые каждый человек решает для себя сам и только сам. Никакие общие решения не подходят. Никакие «если бы» не прокатывают. Всё сложилось именно так. Какая разница теперь, что надо было бы сделать. Ничего не исправить, не переиграть. Да и винить друг друга бесполезно. Уже ничего обратно не срastётся. Юльку уже не убедить. Он понял это по сухой злости, с которой она смотрела на него. С такими глазами не прощают. Таким взглядом можно уничтожить целую Хиросиму. А уж его-то и подавно.

Ну что ж... Придётся разводиться. Делить имущество. Он согласится на все условия. Нет смысла винить Юльку. Она пострадала из-за него, Кирилла. Он заболел. Он не лечился. Он не рассказал вовремя. Он дал повод ревновать и своими руками, своими действиями оттолкнул Юльку так далеко, что уже не вернуть, не догнать, не достучаться.

Он не будет искать себе оправданий. Он сильный человек, который может выстоять. И он выстоит. Придётся строить новую жизнь. Всё менять и перестраивать. Какая она будет? Жизнь без Юльки, которую он любит. С которой так весело смеяться. Которая похожа на сказочную принцессу. О которой хочется заботиться и носить на руках. Но которая не может поддержать в горе. К сожалению.

Зайдя в кабинет, Кирилл поставил портфель на стул рядом с рабочим столом. Расслабил тугой узел галстука и стащил его через голову. Переоделся и повесил вещи в шкаф. Действия были абсолютно автоматическими, отработанными многодневным повторением. Кирилл огляделся по сторонам. Придётся делить имущество. Квартиру надо будет продавать, и делить деньги. Устраивать новое жильё для себя и для Юльки. Делить придётся и счета, и фирму, и машину – всё. Может, попытаться договориться с Юлькой. Оставить ей квартиру, машину, а себе фирму и счета. Тем более, что сейчас на этих счетах почти ничего нет. Она же всё-таки разумный, адекватный человек. Зачем лишние проблемы и нервотрёпка? Она остынет и сама поймёт, что так будет лучше для всех. Тем более, что фирма у него и так поделена. Дергачёв с самого начала – равноправный партнёр и совладелец, значит, делить придётся только половину фирмы. Вряд ли Юлька будет заниматься всеми этими скучными бумажными проблемами сама. Она давно отвыкла от таких проблем. Значит, наймёт адвоката. С ним можно будет попробовать договориться. Убедить, что такое положение дел при разводе наиболее приемлемо для Юльки.

Перед глазами внезапно всплыла картинка их с Юлькой знакомства. Она мёрзла на остановке. Нос покраснел, лицо посинело от холода. Юлька подпрыгивала на месте, чтобы не окончателно. На остановке она было совсем одна. Поздний вечер, мороз. А пальтишко – совсем тоненькое, на «рыбьем» меху. Кирилл почувствовал, как у него сжалось сердце при виде этой продрогшей фигурки, и притормозил. Предложил довести. Юлька не хотела садиться в машину к постороннему мужику. Конечно, Кирилл тогда пять дней не брился, зарос, как лещий. Любая бы испугалась. На пустой дороге не было ни одной машины, тем более – автобуса. А она, действительно, сильно промёрзла. Кирилл довёз её до самого подъезда, хотя там было жутко неудобно разворачиваться, и Юлька просила не заезжать во двор, а посадить её по пути, например, на остановке. Но он подвёз её на своей девятке к самому крыльцу. Вышел,

открыл дверь и проводил до квартиры. Просто потому, что девушка ему понравилась так сильно, что он не захотел её потерять в этом большом городе. Тогда он только перебрался в областной центр из маленького городишки, и город казался ему просто огромным. Кирилл улыбнулся этим воспоминаниям.

Тогда у Юльки были светлые лёгкие волосы, лежавшие непокорными локонами вокруг лукавого личика. Она так смешно морщила лоб в напряжённых попытках обдумать и разрешить сложные вопросы. А от улыбки на щеках появлялись очаровательные ямочки... Теперь же волосы были выбелены до снежной синевы. Морщинки и ямочки изгнаны с помощью ботокса, уколов красоты и современных дорогуших кремов. Место тонкого, продуваемого всеми ветрами пальтишка заняла шуба из натурального меха, и не одна. Что осталось от той девчонки, мёрзнувшей на остановке? Вот она бы его поняла. Та Юлька, которая морщила лоб и заглядывала ему в глаза. Эта Юлька ничего понимать не хотела. Лоб не морщила во избежание появления ранних морщин. И в глаза не заглядывала, а смотрела в переносицу и уходила, расправив плечи, совершенно непреклонная, отказавшаяся не только понимать и сочувствовать, но даже просто выслушать.

Она сама заговорила о разводе. Что ж, так тому и быть. Она ещё молодая. Сумеет устроить свою жизнь. Выйти замуж. Родить ребёнка. Стать счастливой. Без него.

7 глава. Полина.

Полина даже не представляла, насколько это тяжело – самой принимать решения. Всю жизнь за неё думали и принимали решения другие люди: учителя, подруги, но в основном, конечно, родители. Они придумали, что она должна учиться на отлично, закончить школу с золотой медалью, университет с красным дипломом... У родителей в планах на её жизнь было и замужество с достойным человеком, и рождение ребёнка, и хорошо оплачиваемая работа... Они строго контролировали каждый шаг дочери. Вплоть до того, красить или не красить ей волосы (Конечно, нет! Ты же не девушка лёгкого поведения!). Она не бунтовала, соглашаясь со всеми решениями мудрых родителей. Даже если ей и приходило в голову засомневаться в правильности принимаемых ими решений, она никогда не высказывала своих сомнений или несогласия вслух. Только однажды, во время переезда из райцентра, она осмелилась просто спросить, почему они это делают. Ей объяснили. Объяснили так, что больше спрашивать уже не хотелось. Никогда. Попытки принять собственное решение заканчивались или разбором её поступков и припоминанием всех провинностей, которых с годами становилось всё больше и больше, или вызовом неотложки и разыгрыванием спектакля под названием «Ты плохая дочь, довела родителей до инфаркта!»

Со временем Полина научилась уходить в таких ситуациях в глухую оборону. Она отключала слух, стараясь пропустить мимо ушей упрёки родителей. Просто переждать нотации, а потом уйти к себе в комнату и подумать о чём-нибудь более приятном. К сожалению, с возрастом такого приятного становилось всё меньше и меньше. Мозг прокручивал и прокручивал раз за разом информацию о том, что она плохая дочь, неудачница, ничего не умеет, не любит родителей и так далее. Ей столько раз приходилось выслушивать упрёки в свой адрес, что она поневоле запомнила, какая она плохая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.